

Данилова Анна Ивановна

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Новороссийского филиала ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»
ann7466@yandex.ru

Архетипический образ круга в русской литературе

Аннотация:

В предложенной статье на материале произведений русской и советской литературы рассматривается особенность воплощения образа Круга как древнейшего архетипа. Опираясь на предложенную классификацию архетипов, автор доказывает, что образ Круга соотносится как с операционными, так и с конструкционными архетипами.

Ключевые слова: архетип, классификация архетипов, операционные архетипы, конструкционные архетипы, микрообраз, образы-символы.

Впервые попытка объяснить понятие «архетип» была предпринята в работах швейцарского психолога К.Г. Юнга. Архетип в его понимании – основное, хотя и бессознательное средство передачи наиболее ценного и важного человеческого опыта из поколения в поколение. Архетипами он называл не поддающиеся объяснению сложные состояния сознания, своего рода форму без содержания (отпечаток), передаваемые по наследству и воспроизводящие глубинные мифологические символы. «Следует отказаться от мысли, что архетип можно объяснить... Всякая попытка объяснить окажется не чем иным, как более или менее удачным переводом на другой язык» [1, с. 166].

Столь же сложно классифицировать архетипы. Сам К.Г. Юнг наиболее важными считал **Тень** (центр личного бессознательного), **Анима и Анимус** (представление о себе как о мужчине или женщине), **Самость** (воплощение целостности и гармонии), причем в формировании Самости участвуют четыре архетипических круга: *магический* – связанный с творчеством и вдохновением, *героический* – отвечающий за интеллект, инициативу, альтруизм, расчет, *юношеский* – характеризующийся любовью, теплотой, самопожертвованием, *семейный* – символизирующий уют, защиту, закон, порядок [2].

Помимо названных, в число важных входили такие архетипы, как **Мать**, **Ребенок**, **Старик**. Менее значимыми были названы архетипы **Отца**, **Троицы**, **Антропоса**.

Представитель американского мифологического литературоведения Н. Фрай, развивая теорию жанра, связывал жанровые формы и времена года, которым соответствуют ритуально-мифологические архетипы [3].

Интересную классификацию предложил В.В. Корона, выделивший «врожденные» и «благоприобретенные» архетипы, подразделив первые на операционные и конструкционные. Если операционные архетипы связаны с механизмом порождения образа, то конструкционные можно представить опредмеченными. К этой группе архетипов В.В. Корона относил такие многозначные образы-символы, как **Дом**, **Сад**, **Крест**, **Круг**. Привлекательность архетипа **Круг** обусловлена, вероятно, тем, что он связан с такими природными прототипами, как солнце и круги на воде [4].

Однако нельзя согласиться с утверждением, что **Круг** – только конструкционный архетип. Приведем несколько примеров из произведений русской литературы.

Так, в прологе к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» Круг соотносится с образом Мирового Древа и становится символом бесконечности времени, Вселенной: «кот ученый» ходит вокруг дуба «и днем и ночью», то есть непрерывно. Микрообраз «златой цепи», которая замыкает круговое движение, усиливает образ Круга. Определены составляющие вечного движения – дуб, цепь, кот – а Круг, участвуя в создании этого образа, выступает в данном контексте как операционный архетип.

Круг – характерная фигура в поэзии А. Ахматовой. Форму круга имеют церковь («И несказанным светом сияла / Круглая церковь»), окна, крыльцо в доме лирической героини. Соотношение окна дома и Солнца, как «окна» небесного Дома, подчеркивает значимость света для лирической героини. Быть может, поэтому источники света и входы для него тоже имеют форму круга:

И солнца бледный тусклый лик –
Лишь круглое окно...

Круг, как конструкционный архетип, приобретает форму реального предмета, выступая в образах венка или венца («А голову в веночке темном клонит...»), кольца или перстня («И черное мое опять ношу кольцо...»), луга («Все мне видится Павловск холмистый, / Круглый луг...»). Однако в поэзии А. Ахматовой Круг может рассматриваться и как операционный архетип, поскольку и «затверженные прогулки», и ощущения от происходящего в мире, в собственной жизни, в творчестве воплощены в образе Круга: «Сжимается какой-то тайный круг...»

Образ круга, воспринимаемый как операционный архетип, лежит в основе рассказа А. Платонова «Возвращение», повествующего о наших духовных истоках. Уже в названии рассказа прослеживается цепь ассоциаций, связанных с витками спирали: каждый виток соответствует более точному пониманию смысла: возвращение – обретение себя – преобразование – новое понимание жизни. Эти ассоциации заложены в составе слова, в его звучании: воз-вращение – круг – вечное движение – вечные истины.

Мотив возвращения звучит с первых строк рассказа при описании проводов Иванова из части. Он дважды уезжал на вокзал и дважды возвращался в часть. Долгожданное возвращение затягивается, причем препятствия, мешающие ему, кажутся случайными, досадными, на первый взгляд. «Поезд, который должен был увезти отсюда домой и Машу и Иванова, находится неизвестно где в сером пространстве» [5, с. 517]. И хотя капитан еще из части послал жене и детям телеграмму о выезде домой, он «откладывал радостный и тревожный час свидания с семьей» [5, с. 518]. Чувству душевного сиротства героев созвучен осенний пейзаж: «В окружающей их осенней природе было уныло и грустно в этот час» [5, с. 517].

Мотив возвращения усилен образом-архетипом Дома, который противопоставлен образу жилища: «Он дышал устоявшимся родным запахом дома... Нигде более Иванов не ощущал этого запаха, хотя он бывал за войну по разным странам в сотнях жилищ; там пахло иным духом, в котором, однако, не было свойства родного дома» [5, с. 521]. «Дом-очаг», предназначенный дать человеку не только приют и отдых, защиту и пропитание, но и «общение и право быть собой» [6, с. 38], принимает Алексея, но сам он не вполне готов войти в него. Кроме того, относительное равновесие Алексея нарушено исповедью жены. Кульминация рассказа – ночной разговор Алексея и Любы. Каждый из героев отстаивает свою правду, которая тоже соотносится с мотивом возвращения, с архетипом Круга.

Алексей Иванов остался при своем мнении. Еще ночью он задумал «новое возвращение» – к Маше, «новому близкому человеку». Драматичен последний эпизод рассказа, когда бегущие вслед за поездом дети отчаянно стремятся возвратиться отца. Финал рассказа обнаруживает важнейшую смысловую составляющую многомерного понятия «возвращение» – прозрение, обретение себя, избавление от «ложной мудрости» (А.С. Пушкин), новое открытие жизненной истины. Платонов пишет: «Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем». Он «сошел с поезда на ту песчаную дорожку, по которой бежали ему вослед его дети» [5, с. 538].

Трагедия войны, которая всегда есть столкновение жизни и смерти, «большой истории» и «обыкновенного человека», разрушения и созидания, показана через архетипические образы круга и дома-очага, который преобразится для героев в «дом-как-любовь», дающий «возможность ощутить радость бытия» [6, с. 39].

На интуитивном ощущении взаимозависимости судеб – а в основе этого ощущения лежит архетип Круга – построен небольшой рассказ Ю. Трифонова «Вечные темы» из цикла «Опрокинутый дом. Семь путешествий»: «...человек не понимает своей судьбы в тот час, когда судьба творится, понимание является задним числом» [7, с. 196] – слова эти являются основополагающими в развитии сюжета. Молодой писатель принес в редакцию знаменитого журнала несколько рассказов, которые были «первым произведением после долгого перерыва» [7, с. 196]. Однако рассказы не были приняты: «Лицо судьбы было невзрачно: желтовато-пегое со впалыми щеками, седоватым бобриком, со взглядом печальным и одновременно безжалостным...

– Все какие-то вечные темы.

...Вид у него был скучливый, презрительный...» [7, с. 197].

Человек, с презрением отмахнувшийся от «вечных тем», не предполагал, что они могут коснуться и его. Люди оставались чужими: «Он находился в какой-нибудь третьей сотне моих знакомых, а я в пятой сотне его».

Архетип Круга, воплощенный в микрообразе знаменитого журнала, появляется внезапно: «Но кое-что нас все-таки связывало – знаменитый журнал, где он когда-то работал, а я когда-то печатался» [7, с. 197]. Через двадцать два года в далеком Риме теперь уже известный писатель, судьба которого когда-то была почти перечеркнута с таким безразличием, оказался единственным, кто смог выслушать, помочь, спасти.

Архетип Круга входит в рассказ вместе с микрообразом площади в Луке: «Его лицо было по-прежнему пегое, дряблое, презрительное, но что-то важное в лице исчезло. Это было лицо как бы о п у с т е в ш е е, как может опустеть старая площадь в час сумерек. Мы видели такую площадь в Луке...: она была круглая, тихая, пепельная..., все вокруг было какое-то оцепенелое, уставшее жить...» [7, т. 4, с. 199]. Небольшой рассказ «Вечные темы» – своего рода напоминание о связи, существующей между людьми. И здесь Круг предстает и как конструкционный архетип, и как операционный.

Таким образом, проведенный анализ лишь нескольких художественных произведений позволяет утверждать, что архетип Круга может воплощаться как на уровне осязаемых предметов (конструкционный архетип), так и на уровне ощущения, интуиции, которые способствуют рождению художественного образа (операционный архетип), что еще раз доказывает сложность проведения классификации архетипов.

Ссылки:

1. Юнг К.Г. *Воспоминания. Сновидения. Размышления*. Киев, 1994
2. Юнг К.Г. *Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ*. М., 1991.
3. Фрай Н. *Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.* М., 1987.
4. Корона В.В. *Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций*. Екатеринбург, 1999.
5. Платонов А.П. *Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи*. М., 1995.
6. Иконникова С.Н. *История культурологических теорий*. СПб., 2005
7. Трифонов Ю. *Собрание сочинений. В 4-х т.* М., 1987.